



КВАЗИМОДО — РЫБКА В АКВАРИУМЕ

Благородный питерский рокер верит в предначертания судьбы

Петкун рекламирует свое новое тв-шоу

На самом деле он может быть предельно корректным. На самом деле он переехал в Москву («В Питере меня сейчас можно встретить только на вокзале»). В клубе «16 тонн» он арт-директор. И еще одно занятие у него есть в Москве: он играет роль Квазимодо в русской версии французского мюзикла «Нотр-Дам» в Театре оперетты. Говорят, что в Оперетту «ради Петкуна» пошли люди, которые никогда в жизни не были в театре. Еще говорят, что самых привередливых театральных критиков Петкун привел в состояние восторженного трепета. Последнее точно — «на самом деле».

Дарья АКИМОВА

Спасибо судьбе!

— Как ваши коллеги отнеслись к тому, что вы актерствуете?
— По-моему, они не очень понимали, что происходит: я рано ложусь, рано встаю и шельмами днями в театре пропадаю.
— Рано — это во сколько?
— В десять утра репетиции начинаются, а в одиннадцать вечера все заканчивается.
— Театральный народ вам как?
— Хорошие люди. Очень хочется, чтобы им жилось получше.
— А что, им так плохо живется?
— Нет, нормально. Просто это все равно несколько другой уровень, даже в сравнении с людьми, которые современной музыкой занимаются.

— Можно предположить, что «Нотр-Дам» — это для вас такая большая красивая ошибка?

— «Нотр-Дам» — никакая не ошибка. Я судьбе очень благодарен. И Кате с Сашей (*продюсеры мюзикла баронесса Екатерина фон Гечмен-Вальдек и Александр Вайнштейн.* — Д.А.) тоже. Мы с ними познакомились еще во времена «Метро», когда они искали главного героя. От роли я отказался, но мы стали хорошими друзьями.

— Вы себя в театре чужаком не чувствуете?

— Многих из театра я давно знаю — некоторых по «Метро», с некоторыми еще раньше познакомился. Встретили меня довольно радушно. А потом, я человек общительный и без проблем в любой среде ассимилируюсь.

— Вы не ревнуете к другим исполнителям своей роли — у вас ведь есть замена?

— Что значит — «ревную»? Мы же все разные. Понятно, что я не смогу играть все спектакли подряд. Понятно, что меня сравнивают с Гару (*французский исполнитель роли Квазимодо.* — Д.А.). Но сравнения — любые сравнения — вообще, по-моему, глупость. Хотя я абсолютно честно могу сказать, что французская и русская

версии — самые лучшие. Итальянская вообще превратилась в какую-то «Рабыню Изауру». Английская мне просто не нравится. А наша замечательная — и не потому, что я в ней играю.

— Публики не боялись — «старых московских театралов»?

— Конечно, было страшновато. Вполне понятное состояние. Но так как в театре прямого контакта со зрителями нет, там проще.

— Прямой контакт — это когда кричат «халтура!»?

— Мне так, кстати, никогда не кричали. Просто у нас на концертах иногда бывает по 15 тысяч человек. Здесь их две тысячи максимум. В темноте и в молчании. Чувствуешь себя, как рыбка в аквариуме: она там плавает-плавает, то один бок покажет, то другой...

— Но высоты все равно боитесь (*Квазимодо приходится вы-*



«Нотр-Дам» — никакая не ошибка!

Вячеслав Петкун пользуется славой скандалиста, забияки и циника. Говорят, что вместо ответа на вопрос: «А почему ваша группа называется «Танцы минус»?» он может «послать» в грубой форме. При этом Петкуна называют самым большим романтиком из нынешних рок-звезд. Говорят, что это в нем так проявляется «благородная питерская порода».

полнять головокружительный спуск. — Д.А.)?

— Нет уже. Просто что-то делаешь в жизни, а чего-то не делаешь. Вот этого давным-давно не делал, с детства. Тогда, кажется, это все было — и крыши, и окна, и деревья, и водосточные трубы.

— Один из выпусков ток-шоу «Черное и белое», которое вы теперь ведете на ТВ, посвящен взаимоотношениям продюсеров и журналистов. С тех пор как вы заняты в «Нотр-Дам», не стали лучше относиться к прессе?

— С чего вдруг?
— Театральная критика — это одно, а музыкальная — немного другое.

— Наверное, театральные пообращиванней. Они спрашивают о том, что я действительно могу рассказать, а не о том, что интересно пятнадцатилетним школьникам.
— Интерес пятнадцатилетних школьников — неизбежность для рок-музыканта?

— Ну, знаете, на наши концерты... я не знаю, вы у нас на концертах были?

— Нет.

— Наши концерты посещает не только молодежь, но и люди от 25 лет и старше. Конечно, наши песни рассчитаны в основном на мо-

лодых, но это не исключает присутствия состоятельных взрослых людей у нас на выступлениях.

Глупости везде навалом

— Вы, кажется, умеете и «естественной» жизнью жить — дрова колоть и воду таскать?

— Я в детстве лето проводил в деревне у бабушки в Тверской области. Как траву косить, я знаю.

— При этом вы ведь урбанизированный человек, вряд ли отдыхаете «за косьбой»?

— Отдыхаю от чего? От ритма жизни? А я и не могу сказать, что нахожусь в постоянной гонке. Как только чувствую, что перестаю быть органичным, я просто ложусь на диван или уезжаю куда-нибудь.

— Когда лучше работать — когда плохо или когда хорошо?

— Да мне все равно абсолютно. Просто у меня есть два состояния — когда я сочиняю и когда я не сочиняю. Если не сочиняю, отношусь к этому спокойно.

— Бывают обстоятельства, которые непременно выводят из себя?

— Меня выводит из себя исключительно глупость. Обычная человеческая глупость. А у меня с детства на нее чутье хорошее. Хо-

тя, бывало, ошибался в людях пару раз, но ты этих людей не знаешь.

— В театре глупых меньше?

— Глупости везде навалом. Но понимаешь, в театрах все-таки работают люди, которые наследуют какие-то традиции. Шоу-бизнес у нас существует от силы лет пятнадцать. Так что читать, хранить и уважать там просто нечего. Ну понятно, у питерских музыкантов есть традиция рок-клубов 80-х годов. Однако это было очень романтическое время, очень мало отношения имеющее к бизнесу. Денег там не было вообще, все держалось на идеологии и честности. Теперь тщеславия тоже хватает, но слово «идеология» заменено на слово «деньги». Они и есть движущая сила нынешней «творческой интеллигенции». Времена романтики закончились, есть индустрия. Я могу себя успокаивать и говорить, что я в этом не участвую, но при этом я все равно не остаюсь в стороне.

Вино — лучше дорогое

— Кто ваши родители?

— Я про это говорить не хочу, но у меня хорошие, замечательные родители. Есть еще брат и сестра младшие.

— Почему так получилось, что в экономисту не пошли (*Петкун чуть было не написал диплом в питерском Университете экономики и финансов.* — Д.А.)?

— А я и не хотел на самом деле. Все произошло случайно — как, собственно, в то время чаще всего и происходило: заканчивали школу — и шли поступать «за компанию».

— Друзья с того времени остались?

— Да. Но это неважно, сколько лет ты знаешь человека. Я со многими мальчишками пускал по лужам кораблики, но моими друзьями они от этого не стали.

— Вы умеете отделять личные отношения от бизнеса?

— К сожалению, у меня с этим плохо. При желании мои друзья могут меня коррумтировать совершенно спокойно. Я им отказать не могу ни в чем. Наверное, это плохо.

— Образ жизни музыканта предполагает некоторый цинизм?

— Любая профессия предполагает цинизм. Вот питерские художники, с которыми я довольно много общаюсь, — они абсолютно самостоятельные люди. А музыканты если чем и специфичны, то тем, что думают прежде всего, «как мою музыку воспримут окрестные люди» и «побегут ли они за моим диском». Они о рефлексии думают, а не о душе. Вот поэтому я и говорю, что рока у нас не существует. Рок — это не громкие барабаны, а идеология и образ жизни. Так что какой-нибудь Эминем (*скандальный белый рэпер.* — Д.А.) гораздо более рокер, чем «Аэросмит».

— Про вредные привычки не могу не спросить.

— Полный набор.

— И что, боретесь?

— А зачем? Они мне нравятся.

— Сколько вам лет?

— Тридцать три.

— Не страшно? Говорят, самый «переломный возраст».

— А что тут страшного? Тебе сколько? (*отвечая.* — Д.А.) И не страшно? Думаешь, человек — это робот, который отработал тридцать три года — и все, винтики ломаются? Это не так. Мы зависим от генетики, и от родителей. Есть люди, которым сто, которые восемьдесят лет курят, но у них нет рака легких.

— Так вы в предопределение верите?

— Да, верю.

— И все идет так, как надо?

— Изменить при желании можно.

— Вы меняли?

— Менял. Потому что, по идее, я должен был бы жить другой жизнью.

— Жизнью сытого яппи?

— А что плохого в такой жизни? Я думаю, что если ты едешь на автомобиле — то лучше на хорошем. Если ты пьешь вино — то лучше дорогое. Если ты ешь — то лучшие продукты. Я много знаю успешных людей, которые сидят в конторе «от и до». И среди них очень много реально интересных людей, с которыми я дружу.

Петкун Вячеслав

17.09.02

238